

П-136

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XXII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ

1861

П-3932

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

КАПИТАНА НИКИФОРОВА

ВЪ 1841 Г.

Сношенія Хивы съ Русскими начались издавна и едва ли не восходятъ до XIV столѣтія. Съ покореніемъ Казани и Астрахани, въ Россіи появляются, кромѣ купцовъ, и посланцы отъ хановъ бухарскаго и хивинскаго. Съ своей стороны, государи наши, лаская далекихъ гостей и покровительствуя азіятской торговлѣ, видѣли въ этомъ средство сколько для поддержанія дружескаго расположенія сосѣдей, столько же, и если не болѣе, для исполненія постоянной своей мысли: проложить черезъ среднюю Азію торговый путь въ Индію.

Болѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ начинаются съ конца XVII столѣтія; съ этого же времени начинаетъ выясняться и характеръ той политики, которой слѣдуютъ хивинскіе владѣльцы въ отношеніи къ Русскимъ и которая сохранилась почти до настоящаго времени. Политика эта можетъ быть охарактеризована въ нѣсколькихъ словахъ: присылать непрерывно посланцевъ съ мишурными подарками, обѣщать на словахъ, и даже на бумагѣ, полную покорность и преданность Россіи и вслѣдъ за тѣмъ, надѣясь на недоступное положеніе своей страны и на

терпѣливость сильнаго сосѣда, грабить его караваны, захватывать его подданныхъ, волновать сопредѣльныхъ къ нему Кайсаковъ и, притихнувъ на нѣкоторое время, при угрозѣ, потомъ вновь начать тѣ же обманы, грабежи и убійства.

Такъ, въ 1700 году, самъ хивинскій владѣлецъ Шаніязъ просилъ Петра Великаго о принятіи Хивы въ подданство Россіи, но, не далѣе, какъ черезъ 17 лѣтъ, съ головы посланника нашего Бековича-Черкаскаго, слишкомъ довѣрившагося Хивинцамъ, была, въ той же Хивѣ, содрана кожа, набита сѣномъ и послана къ бухарскому эмиру, какъ знакъ побѣды, а солдаты русскіе были или перебиты, или обращены въ тяжкое рабство.

Едва лишь страхъ за отмщеніе смерти Бековича успѣлъ пройти, какъ, посланнаго, въ 1731 году, для переговоровъ, артиллеріи полковника Герберга Хивинцы не только не допустили до Хивы, но даже безъ всякихъ околичностей послали ограбить на возвратномъ пути (1). Въ 1730 году, послѣдовало подданство Россіи Абуль-Хаиръ-хана Меньшой Киргизской орды съ подчиненными ему Кайсаками, а черезъ 10 лѣтъ послѣ этого событія сынъ Абуль-Хаира-Нурали былъ избранъ на Хивинское ханство.

Несмотря на то, что правителемъ Хивы былъ провозглашенъ подданный Россіи, отношенія этого владѣнія къ намъ мало измѣнились, и когда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Нурали, вступилъ на ханство Каипъ, сынъ киргизскаго Батыръ-султана, то притѣсненія русскимъ купцамъ въ Хивѣ начались снова. Относительно этого хана считаемъ нелишнимъ представить одну замѣтку изъ документовъ прошлаго столѣтія, которая служитъ какъ бы подтвержденіемъ вышесказанныхъ словъ насчетъ характера нашихъ сношеній съ Хивою.

Эта замѣтка принадлежитъ оренбургскому оберъ-коменданту и областному командиру Зенбулатову и помѣщена въ примѣчаніи рапорта его, въ 1783 году, уфимскому и симбирскому генераль-губернатору Апухтину.

«Сей Каипъ султанъ фамиліи Батыръ-султана изъ роду Ширгазы-хана, бывшаго въ Хивѣ, во время котораго посланный со здѣшнихъ сторонъ, въ 1717 году, гвардіи капитанъ князь Александръ Черкасскій съ войскомъ истребленъ. А по причинѣ того, и онъ Каипъ посланному изъ Оренбурга въ 1752 году переводчику съ караваномъ не только задержаніе, но и озлоб-

леніе учинилъ. За что по разсужденію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ (2).»

Вотъ какимъ образомъ наказывались Хивинцы за грабежи русскихъ каравановъ и оскорбленія посланниковъ.

Въ 1793 году, по просьбѣ ханскаго сопровителя Авязь-бека, былъ отправленъ въ Хиву Императрицей Екатериной II глазной врачъ, маіоръ (по другимъ свѣдѣніямъ, надворный совѣтникъ) Бланкеннагель. Несмотря на то, что зрѣніе дяди Авязь-бека, Фазылъ-Бія, для котораго собственно и выписывался врачъ, было потеряно безвозвратно, слѣпой старикъ требовалъ, однакожь, непременного исцѣленія, и къ Бланкеннагелю была приставлена стража, съ приказаніемъ не выпускать его изъ дому. Хотя впослѣдствіи арестъ и былъ снятъ, но отъ этого положеніе врача немногимъ сдѣлалось лучше, такъ какъ хивинскіе сановники долго еще разсуждали о томъ, умертвить ли Бланкеннагеля въ Хивѣ, или на возвратномъ пути. Удачное леченіе и угроза мщеніемъ Императрицы, въ случаѣ, если Хивинцы рѣшатся на умерщвленіе ея посла, дали возможность Бланкеннагелю, при помощи преданныхъ Туркменъ, счастливо выбраться изъ Хивы, откуда черезъ Мангышлакъ онъ направился въ Астрахань (3).

Въ 1802 году было отправлено изъ Орска посольство въ болѣе дружественную къ намъ Бухару, подъ начальствомъ поручика Гавердовскаго; но, благодаря той же Хивѣ, оно не могло достигнуть цѣли. Получивъ извѣстіе, что переправа на Сырѣ у перевоза Майлибашъ занята враждебными толпами Хивинцевъ и Киргизовъ, Гавердовскій, не доходя 80 верстъ до рѣки, принужденъ былъ повернуть назадъ и возвратиться въ Орскъ.

Въ 1819 году ѣздилъ съ Кавказа въ Хиву генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ. Затрудненія, встрѣченныя этимъ офицеромъ при переговорахъ, заточеніе его и едва не состоявшееся рѣшеніе хивинскаго правительства о преданіи Муравьева смерти показали, что хивинская политика въ отношеніи Россіи немного измѣнилась къ лучшему со временъ Бековича (4).

Въ 1824 году выступилъ съ Оренбургской линіи караванъ, подъ прикрытіемъ отряда полковника Цюлковскаго, но, дойдя до урочища Биштюбя, въ пескахъ Кизиль-Кумъ, былъ остановленъ разбойничей партіей изъ Хивинцевъ и Киргизовъ и принужденъ возвратиться въ Орскъ.

Такимъ образомъ, ни одна поѣздка въ Хиву не проходила русскимъ посламъ безъ затрудненій и даже оскорбленій со стороны Хивинцевъ; купеческіе же караваны испытывали еще большія бѣдствія.

Имѣя небольшія крѣпостцы на устьяхъ Сыра и Кувана и держа тѣмъ въ подчиненіи кочевавшихъ здѣсь Киргизовъ, хивинское правительство, на основаніи этого, присвоило себѣ полное право не только собирать значительныя пошлины съ каравановъ нашихъ, направлявшихся собственно въ Хиву, но такимъ же притѣсненіямъ, и часто даже грабежу, подвергало и тѣ изъ нихъ, которые шли въ Бухару, а равно и возвращались оттуда. Не ограничиваясь поборами на Сырѣ, оно подвергало четверной противу своихъ торговцевъ пошлинѣ товары нашихъ купцовъ въ самой Хивѣ, не считая тѣхъ личныхъ оскорбленій, которыя дѣлались купцамъ или ихъ прикащикамъ, какъ христіанамъ.

Всѣ эти оскорбленія, вѣроятно, еще долго проходили бы даромъ Хивѣ, если бы къ нимъ не присоединялось постоянно одно дѣйствіе, громко вопіявшее о возмездіи: это захватъ нашихъ плѣнныхъ и содержаніе ихъ въ Хивѣ въ тяжкомъ рабствѣ. Дѣйствительно, въ то время, когда во всѣхъ европейскихъ державахъ принимались самыя энергическія мѣры къ прекращенію торгова невольниками, подданные русской державы, при посредствѣ Киргизовъ, и въ особенности Туркменъ, захватывались чуть не кучами на Каспійскомъ морѣ, и даже на самой Оренбургской линіи, и доставлялись въ Хиву для публичной продажи, въ которой нерѣдко принималъ участіе и самъ ханъ. Всѣ наши требованія по этому предмету оставались безъ послѣдствій, а, между тѣмъ, несчастные страдальцы и на словахъ, и на бумагѣ, чрезъ пріѣзжихъ купцовъ и Киргизовъ, постоянно взывали къ начальникамъ Оренбургскаго края объ освобожденіи. Размѣры такой варварской торговли достигли до того, что, въ 1835 году, русскихъ плѣнныхъ насчитывали въ Хивѣ до нѣсколькихъ сотъ человекъ. Путемъ мирныхъ переговоровъ получить плѣнныхъ намъ не удавалось, ассигновать же постоянную сумму на ихъ выкупъ, какъ это сначала предполагали, не могло допустить достоинство имперіи, да, притомъ же, эта мѣра, при алчности Хивинцевъ, развила бы въ нихъ еще болѣе страсть къ захвату людей. Такимъ образомъ, оставалось одно только средство: принять противъ главныхъ хищниковъ болѣе энергическую систему дѣйствій.

Началомъ этой системы послужило Высочайшее повелѣніе о внезапномъ арестованіи всѣхъ хивинскихъ подданныхъ на юго-восточныхъ предѣлахъ имперіи и секвестрованіи ихъ товаровъ и имущества. Въ то же время, было отправлено къ хивинскому владѣльцу письмо отъ оренбургскаго военнаго губернатора, въ которомъ, отъ имени государя, генераль-адъютантъ Перовскій, между прочимъ, писалъ хану Алла-Кулу:

«Дѣла ваши дурны, а отъ дурныхъ сѣмянъ дурной плодъ. Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всѣхъ русскихъ плѣнниковъ и дайте слово свое вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоевъ, не мѣшайтесь въ управленіе кайсацкаго народа, дайте подданнымъ Императора всероссійскаго тѣ же права у васъ, какія онъ даетъ у себя вашимъ, и старое будетъ забыто.» (5)

Кромѣ сего, въ письмѣ было сказано также, что до исполненія всѣхъ нашихъ справедливыхъ требованій никакое хивинское посольство принято не будетъ и никакіе переговоры не могутъ имѣть мѣста.

Несмотря на такія распоряженія, Хивинцы, по прежнему, отвѣчали уклончиво, писали грамоты, хотѣли прежде выманить своихъ купцовъ, и прошло довольно времени прежде, чѣмъ они почувствовали дѣйствіе мѣръ, принятыхъ противъ нихъ русскимъ правительствомъ. Наконецъ, когда обнаружилось, что собственныя ихъ произведенія потеряли сбытъ, что главную свою потребность въ чугунѣ, желѣзѣ, мѣди, юфти и проч. они ни откуда не могутъ удовлетворить, кромѣ Россіи или изъ третьихъ рукъ черезъ Бухару, тогда они рѣшились, въ 1837 году, прислать 25 плѣнниковъ и значительные подарки (6).

Но подарки были отвергнуты, арестъ купцовъ не отмѣненъ, а всѣ наши требованія повторены съ большею настойчивостію.

Прошло около двухъ лѣтъ, и Хива прислала еще 80 плѣнныхъ и нѣсколько писемъ, полныхъ раскаянія, а, между тѣмъ, черезъ Туркменъ усилила грабежи на Каспійскомъ морѣ, и 200 вновь захваченныхъ рыбопромышленниковъ наполнили ея невольничьи рынки.

Отвѣтомъ на такія дѣйствія служило Высочайшее повелѣніе наказать Хивинцевъ силою оружія.

Осенью 1839 года, была обнародована въ Оренбургскомъ

краѣ декларація о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій, и вслѣдъ затѣмъ двинулся къ предѣламъ Хивы отрядъ, подъ начальствомъ генерала Перовскаго. Страшные морозы и мятели въ зиму съ 39 на 40 годъ, развившіяся въ отрядѣ болѣзни и другія обстоятельства, какъ извѣстно, были причинами, что отрядъ не могъ достигнуть предназначенной цѣли и возвратился въ Оренбургъ; но такая неудача не остановила правительства, и вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе готовиться къ новому походу на Хиву. Дѣло принимало видъ нешуточный, плѣнные купцы писали на родину о нашихъ приготовленияхъ, и, раззоряемые перерывомъ торговли, Хивинцы поняли наконецъ, что имъ необходимо смириться. Дѣйствительно, лѣтомъ 1840 года, прибыли изъ Хивы посланецъ Атаніазъ-Ходжа и съ нимъ 418 человекъ плѣнныхъ, а также и содержавшійся въ Хивѣ офицеръ нашъ Аитовъ. Въ то же время, хивинскій ханъ издалъ (18 іюля) фирманъ слѣдующаго содержанія:

«Слово отца побѣдъ, побѣдителей и побѣжденныхъ харезмскаго шаха.

«Повелѣваемъ подданнымъ нашего харезмскаго повелительнаго двора, пребывающаго въ райскихъ веселыхъ садахъ, управляющимъ отдѣльными странами, начальствующимъ надъ яумудскимъ и чаудурскимъ туркменскими народами, всѣмъ храбрымъ воинамъ, бѣямъ и старшинамъ народовъ киргизскаго и каракалпакаго и вообще всѣмъ блистающимъ въ нашемъ царствованіи доблестными подвигами, что по дознаніи о сей нашей высокой грамотѣ, которая издана въ лѣто отъ эры благословеннаго пророка нашего 1256 (мышинное), въ мѣсяцъ джума-дилванъ, о томъ, что мы вступили съ великимъ россійскимъ Императоромъ въ дѣла миролюбія, съ твердымъ намѣреніемъ искать его высокой дружбы и пріязни; отнынѣ никто не долженъ дѣлать набѣги на русское владѣніе и покупать русскихъ плѣнныхъ. Если же кто въ противность сего высокаго повелѣнія нашего учинитъ на русскую землю нападеніе или купить русскаго плѣннаго, тотъ не избѣгнетъ нашего царскаго гнѣва и должнаго наказанія, о чемъ и обнародывается симъ всемилостивѣйшимъ нашимъ повелѣніемъ въ лѣто 1256 (1840).»

На подлинномъ приложена печать хивинскаго хана.

Обнародованіе такого фирмана и исполненіе главнѣйшаго нашего требованія по освобожденію плѣнныхъ были причинами,

что государь, не желая прибѣгать къ силѣ оружія, повелѣлъ: допустить хивинскаго посланца въ Петербургъ, освободить арестованныхъ купцовъ и, возвративъ имъ товары, отпустить на родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было возобновить съ Хивою торговыя сношенія, а насчетъ другихъ условій войти съ хивинскимъ правительствомъ въ переговоры (7).

Такъ прекратились на этотъ разъ несогласія, возникшія между Россією и слабымъ по населенію (300,000 душъ) (8), но сильнымъ по недоступному положенію азіятскимъ государствомъ; оставалось только, пользуясь благопріятной минутой, войти въ непосредственныя сношенія съ самимъ ханомъ. Предлогъ былъ хорошій: надо было изъявить Алла-Кулу удовольствіе государя за отпускъ плѣнныхъ, отплатить за многократныя визиты въ Россію хивинскихъ посланцевъ и окончательнымъ актомъ установить наши отношенія къ Хивѣ. Къ тому же, и всякія неудачи, дѣлая людей болѣе опытными, заставляютъ ихъ дѣйствовать осмотрительнѣе. Такъ было и здѣсь. При возможности втораго похода на Хиву, являлась надобность въ сборѣ болѣе положительныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этомъ владѣніи, изслѣдовать новые пути и вообще познакомиться съ военными и другими средствами страны, мысль о войнѣ съ которой, несмотря на переговоры, еще не могла такъ скоро выйти изъ головы окружавшихъ Перовскаго лицъ.

Поэтому, вскорѣ по высылкѣ послѣднихъ плѣнныхъ, генераломъ Перовскимъ было представлено соображеніе объ отправленіи, раннею весною 1841 года, нашихъ агентовъ въ государства Турана, т. е. Бухару, Хиву и Коканъ, при чемъ агентъ въ послѣднее ханство долженъ былъ сперва направиться въ Бухару.

Временными агентами предназначались: въ Бухару — горный офицеръ, а въ Коканъ и Хиву — офицеры генеральнаго штаба; постоянныхъ же въ первыя два владѣнія предполагалось назначить впослѣдствіи, а въ Хиву — поручика Аитова.

На содержаніе временныхъ агентовъ въ продолженіе года высчитано было 32,000, а постоянныхъ 21,000 р. сер.

По разсмотрѣніи этихъ предположеній въ Петербургѣ, зимою 1841 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ Бухару горнаго инженеръ-маіора Бутенева, а въ Хиву — генеральнаго штаба капитана Никифорова.

Отправляя своего агента въ полуварварскую страну безъ на-

дежды имѣть съ нимъ вѣрное и частое сообщеніе, противопоставляя его лицомъ къ лицу съ изобрѣтательнымъ на обманъ азіятскимъ правительствомъ, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, кромѣ Высочайшей грамоты и письма вице-канцлера къ хану, снабдило еще Никифорова подробной общей инструкціей и нѣсколькими частными, не только касательно цѣли и способа веденія возлагаемыхъ на него переговоровъ, но и относительно обращенія съ ханомъ и главнѣйшими его сановниками.

Содержаніе Высочайшей грамоты было слѣдующее:

«Обладателю Хивы, высокостепенному Аллахъ-Кули-Хану, Наша Императорскаго Величества благопріязнь и доброе привѣтствіе.»

«Посланникъ вашъ Атаніазъ Ходжа-Реизъ-Муфтій, удостоясь предстать предъ Нашимъ Императорскимъ Величествомъ, изустно подтвердилъ Намъ отъ вашего имени увѣренія въ искреннемъ желаніи вашемъ установить пріязненныя сношенія съ Имперіею Россійскою и прекратить всякія враждебныя дѣйствія противъ нашихъ подданныхъ. Принявъ во вниманіе таковое благоразумное ваше намѣреніе, ознаменованное уже исполненіемъ съ вашей стороны одного изъ главныхъ требованій нашихъ, Мы изъявляемъ вамъ также Нашу готовность покровительствовать установленію и упроченію добрыхъ сосѣдственныхъ сношеній подвластныхъ Намъ народовъ съ Хивинцами.

«Съ сею цѣлію Мы повелѣли отправить въ Хиву, вмѣстѣ съ возвращающимся туда посланникомъ вашимъ, довѣренное отъ насъ лицо, нашего капитана Никифорова. На него возложили Мы доставленіе вамъ сей нашей грамоты и нѣкоторыхъ вещей, посылаемыхъ къ вамъ въ знакъ нашего расположенія. Ему же поручили мы также изъяснить вамъ основанія и условія, кои могутъ способствовать незыблемому утверженію пріязни между русскими владѣніями и Хивою. Мы желаемъ, чтобы вы давали полную вѣру всему тому, что капитанъ Никифоровъ доведетъ до свѣдѣнія вашего, и надѣемся, что вы будете дѣйствіями своими вполне соответствовать видамъ справедливости и взаимной пользы. За симъ желаемъ вамъ всѣхъ возможныхъ благъ.

«Дана въ столичномъ Нашемъ городѣ С.-Петербургѣ, марта 15 дня 1841 года, царствованія же нашего въ шестнадцатое лѣто.»

Письмо вице-канцлера заключало въ себѣ выраженіе удовольствія вслѣдствіе возвращенія ханомъ русскихъ плѣнныхъ и изданія фирмана 18 іюля. Въ немъ, кромѣ того, говорилось о благо-склонномъ приѣмѣ хивинскаго посланца Атаніяза Государемъ Императоромъ, объ отправленіи въ Хиву капитана Никифорова и поручика Аитова и излагалась просьба, чтобы впослѣдствіи, при необходимости какихъ либо объясненій съ нами, ханъ обращался къ оренбургскому военному губернатору, какъ ближайшему къ Хивѣ пограничному начальнику.

Что касается до общей инструкціи, то, изложивъ предшествовавшія наши отношенія къ Хивѣ и упомянувъ о фирманѣ хана отъ 18 іюля, она, въ слѣдующихъ словахъ, объясняетъ агенту сущность возлагаемаго на него порученія:

«Теперь остается принять мѣры къ предупрежденію, по возможности, на будущее время возобновленія несогласій (Хивы съ Россіею) и къ обезпеченію безопасности российскихъ торговцевъ. Это самое составляетъ главную цѣль, для которой вы командуетесь въ Хиву....»

Затѣмъ, отъ этой общей мысли переходя къ подробностямъ, инструкція указываетъ уже болѣе опредѣленно на тѣ условія, которыя должны служить предметами переговоровъ агента съ хивинскимъ правительствомъ, а именно:

- 1) «Уничтоженіе рабства и плѣненія Русскихъ и обезпеченіе лицъ и имуществъ ихъ въ Хивинскомъ ханствѣ.
- 2) «Ограниченіе незаконнаго вліянія Хивы на кочевыя племена, издревле поступившія въ подданство Россіи, и
- 3) «Обезпеченіе торговли нашей какъ съ Хивою, такъ и съ сосѣдственными владѣніями.»

Опираясь на фирманъ 18 іюля, министерство не предполагало, чтобы хивинское правительство оказало какое либо особое сопротивленіе по первой статьѣ; но за то въ возможности получить отъ хана согласіе на остальные требованія и въ самой инструкціи замѣтно нѣкоторое сомнѣніе.

Упомянувъ о подданствѣ Россіи, въ прошедшемъ еще столѣтіи, Киргизовъ Меньшой и Средней орды, Каракалпаковъ и Туркменовъ и о послѣдовавшемъ, несмотря на эту присягу, утвержденіи надъ Киргизами, кочующими по Сыру и по Усть-Урту, а также надъ Туркменами и Каракалпаками, власти хивинскихъ владѣльцевъ, инструкція вслѣдъ за симъ говоритъ:

«Намѣреніе правительства по сему предмету состоитъ въ томъ, чтобы, не отрицая принадлежащаго оному (то есть правительству) права владѣнія, не входить теперь въ положительныя объясненія насчетъ настоящаго оному рубежа. А потому вы должны будете въ разговорахъ съ хивинскимъ ханомъ уклоняться отъ опредѣлительнаго объясненія, до какихъ именно мѣстъ должны простираться владѣнія Россійской Имперіи въ степи, и будете ограничиваться однимъ общимъ подтвержденіемъ о присягѣ, принесенной тѣми кочевыми народами на подданство Россіи.»

Далѣе же говорится, что такъ какъ настоящіе переговоры имѣютъ цѣлью сохранить порядокъ и тишину въ степи и обезопасить торговыя сообщенія, то, не отвергая принадлежащаго Россіи права на сказанные кочевые народы, правительство наше не находитъ неудобства согласиться, чтобы впредь до усмотрѣнія тѣхъ племена, которыя кочуютъ къ югу отъ Сыръ-Дарьи, Давлетъ-Гирея и Ново-Александровскаго укрѣпленія, оставались въ управленіи хивинскаго владѣльца, съ правомъ собирать съ нихъ зякетъ, но и съ тѣмъ, однакожь, чтобы онъ отвѣчалъ за всѣ ихъ грабежи; разбой и выдавалъ, по требованію нашему, скрывающихся у нихъ бѣглецовъ и мятежниковъ. Затѣмъ—продолжаетъ инструкція— «должны быть, слѣдовательно, прекращены всякія *неблагонамѣренныя сношенія* Хивинскаго ханства съ кочевыми народами, къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи и Усть-Урта кочующими....»

Вторая статья заключала въ себѣ всю важность посольства и была, главнѣйшимъ образомъ, причиною возникнущаго впоследствии затрудненія въ переговорахъ Никифорова съ хивинскимъ правительствомъ, которое, по своимъ понятіямъ не только 20 лѣтъ назадъ, но даже въ настоящее время, едва ли въ состояніи отказаться отъ незаконныхъ поборовъ и отличить права владѣльца отъ правъ управителя.

При подробномъ развитіи третьей статьи переговоровъ, инструкція налагала на агента исходатайствовать: 1) разрѣшеніе русскимъ купцамъ свободно пріѣзжать въ Хиву и торговать своими товарами во всѣхъ селеніяхъ и городахъ ханства, съ отвѣтственностію хана за неприкосновенность лицъ и имущества торговцевъ; 2) установленіе, на привозимые купцами нашими и ихъ прикащиками товары, необременительныхъ пошлинъ, которыя бы взимались только единожды; 3) допущеніе, при оцѣнкѣ

товаровъ для взиманія пошлинъ, участія русскаго чиновника; 4) прекращеніе производившихся Хивинцами въ степи насильственныхъ остановокъ каравановъ и уничтоженіе устроенныхъ близъ Сыръ-Дарьи укрѣпленій, и, наконецъ, 5) прекращеніе со стороны Хивинцевъ всякихъ препятствій не только караванамъ собственно русскимъ, но даже и азійскимъ вообще, идущимъ въ Россію или возвращающимся изъ оной.

При этомъ указывались агенту доводы, которые онъ долженъ былъ привести, чтобы убѣдить хана въ справедливости нашихъ требованій. Эти доводы главнымъ образомъ заключались въ указаніи хану тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются въ Россіи Азіяты передъ прочими иностранными торговцами, и въ ссылкѣ на торговлю Россіи съ другими магометанскими державами, Персіей и Турціей, въ которыхъ взимается постоянно по 3 и по 5 процентовъ пошлины съ цѣнности нашихъ товаровъ, то есть такіе проценты, какихъ хотѣлось намъ добиться и въ Хивѣ, въ замѣнъ прежнихъ 10.

Въ случаѣ же несогласія на пятипроцентную пошлину, предписывалось агенту, по крайней мѣрѣ, склонить хана на исполненіе всѣхъ другихъ требованій статьи.

По принятіи изложенныхъ выше условій, Никифоровъ долженъ былъ еще обезпечить пребываніе въ Хивѣ русскаго чиновника, на что уже было выражено желаніе самимъ Алла-Куломъ черезъ посланца Атаніяза. Въ постоянные агенты, какъ извѣстно, предназначался состоящій при нашей миссіи переводчикомъ поручикъ Аитовъ, бывавшій въ Хивѣ и прежде, и, какъ мусульманинъ, успѣвшій тамъ завести нѣкоторыя связи.

При благопріятномъ исходѣ переговоровъ, предписывалось склонить хана къ составленію акта или трактата и только въ крайности удовольствоваться тѣмъ, чтобы всѣ постановленныя условія были помѣщены въ письмѣ, которое ханъ адресуетъ на имя государя, при возвращеніи миссіи въ Россію.

Въ случаѣ же дурнаго пріема предложеній, агентъ обязывался до послѣдней степени превозмочь затрудненія и, при несообразности дѣйствій Хивинцевъ съ достоинствомъ его званія, не приступать ни къ чему до благопріятной перемѣны, при безнадёжности же на послѣднюю—возвратиться безъ всякихъ переговоровъ въ Россію.

Въ заключеніе же инструкции было сказано:

«Главная цѣль посылки вашей есть не столько пріобрѣтеніе вещественныхъ выгодъ для Россіи, какъ упроченіе довѣрія къ ней Хивы, и этою цѣлью вы должны руководствоваться во всѣхъ поступкахъ вашихъ, какъ важнѣйшимъ условіемъ для будущаго политическаго вліянія Россіи на сосѣдственныя съ нею ханства Средней Азіи (9).»

Таковы были условія переговоровъ, возложенныхъ общей инструкціей на капитана Никифорова; но, кромѣ того, ему были даны нѣкоторыя дополнительныя инструкціи.

Независимо отъ министерства, Никифоровъ получилъ еще три инструкціи отъ оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Перовскаго, содержаніе которыхъ было слѣдующее:

Первая указывала на военно-топографическія свѣдѣнія, которыя, при возможности, миссія должна собрать о Хивинскомъ ханствѣ. Свѣдѣнія эти сгруппированы въ два отдѣла: 1) топографія ханства; 2) стратегическое обозрѣніе. Для руководства Никифорова препровождались къ нему при этой инструкціи два описанія ханства, историческій обзоръ сношеній его съ Россіею и распросная карта Хивы (10).

Вторая объясняла: составъ, снаряженіе и довольствіе миссіи, путь, для нея избранный, отношенія ея къ возвращавшимся въ Хиву посланцамъ и въ заключеніе цѣль командировки миссіи, образъ предстоявшихъ ей дѣйствій и возвращеніе (11).

Оставляя покуда въ сторонѣ первую половину инструкціи, рассмотримъ теперь только ту ея часть, которая относится собственно до веденія переговоровъ. Хотя здѣсь въ главныхъ чертахъ и выражены тѣ же мысли, что и въ предписаніяхъ министерства, но, тѣмъ не менѣе, находимъ нелишнимъ еще разъ обратиться къ этому предмету, чтобы яснѣе видѣть, какимъ образомъ одновременно на одно и то же дѣло смотрѣли Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и оренбургскій военный губернаторъ.

По мнѣнію Перовскаго, упроченіе довѣрія къ намъ Хивы могло быть достигнуто только двумя способами: во первыхъ, собственнымъ сближеніемъ Никифорова съ ханомъ; во вторыхъ, побужденіемъ Алла-Кула оставить при себѣ поручика Аитова. Результатами же этого довѣрія, какъ полагалъ военный губернаторъ, должно быть со стороны Хивы исполненіе тѣхъ трехъ статей переговоровъ, на которыя указывало министерство.

Находя, что большая часть требованій относительно сво-

боднаго проѣзда и торговли нашихъ купцовъ въ Хивѣ признана уже на дѣлѣ самимъ Алла-Куломъ, какъ отпускомъ плѣнныхъ и фирманомъ, такъ и дѣйствіями хана съ тѣми изъ русскихъ прикащиковъ, которые ходили въ предшествовавшемъ году въ Хиву, Перовскій полагае, что по этому вопросу слѣдуетъ только настаивать о продолженіи начатаго ханомъ образа дѣйствій и вступать въ переговоры при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и то въ слѣдующемъ смыслѣ:

1) *Объ отвѣтственности хана за грабежъ русскихъ подданныхъ.* «Переговоры по сему вести съ крайней осторожностію, ибо, какъ говоритъ Перовскій, при слишкомъ ясномъ развитіи основаній, въ инструкціи изложенныхъ, легко можетъ быть, что ханъ будетъ самъ возбуждать къ грабежамъ и, подѣлившись тайно добычею съ грабителями, потомъ повѣситъ одного изъ нихъ, для исполненія условій Россіи.»

2) *Относительно права разѣзда русскихъ подданныхъ по ханству.* Въ избѣжаніе могущихъ возникнуть впослѣдствіи, при требованіи этого права, недоразумѣній, предметъ этотъ или вовсе исключить изъ переговоровъ, или ограничиться требованіемъ о продолженіи даннаго въ предшествовавшемъ году ханомъ позволенія ѣздить нашимъ прикащикамъ въ городъ Новый-Ургенчъ.

3) *Относительно пошлины.* Положительно не соглашаться на 5 процентовъ, а настаивать, чтобы пошлина не превышала взысканной съ прикащиковъ нашихъ въ предшествовавшемъ году, то есть $2\frac{1}{2}$ процентовъ съ дѣйствительной цѣны ввозимыхъ товаровъ. Оцѣнку же товаровъ устанавливать не иначе, какъ при посредствѣ русскаго агента. Переходя къ ограниченію власти Хивы надъ Киргизами и предполагая со стороны Алла-Кула встрѣтить просьбу объ уничтоженіи Ново-Александровскаго укрѣпленія, Перовскій предлагаетъ возражать и настаивать по этимъ предметамъ въ такомъ смыслѣ: что все восточное побережье Каспійскаго моря до устья Гюргеня должно быть признаваемо безусловно принадлежащимъ имперіи, какъ потому, что тамъ еще въ XVIII столѣтіи были устроены наши крѣпости и населяющіе побережье Туркмены приняли присягу на подданство Россіи, такъ и по той причинѣ, что Хивинцы, не имѣя флота, не могутъ имѣть и притязаній на море. Что же касается до уничтоженія сырѣ-дарьинскихъ крѣпостей, то, въ случаѣ затрудненій по этому требованію, достигнуть, по крайней мѣрѣ,

хоть отмѣны пошлиннаго сбора при рѣкѣ Сырѣ. Затѣмъ въ отношеніи посылаемыхъ въ нашу степь хивинскихъ агентовъ объявить частнымъ образомъ хану, что на будущее время всякій посланный будетъ принятъ за возмутителя и подвергнутъ смертной казни.

Въ отношеніи образа дѣйствій, Никифорову предписывалось стараться внушить хану довѣріе къ себѣ и въ особенности къ Аитову.

Придавая, какъ видно, особую важность письменнымъ обязательствамъ, Перовскій настаиваетъ на составленіи акта, советуя, для лучшаго убѣжденія Алла-Кула, объяснить ему, что подобные акты заключаются только съ значительными, состоящими съ нами въ дружбѣ владѣльцами, какъ, на примѣръ, турецкій султанъ; примѣръ же Персіи — говоритъ онъ — приводимъ быть не долженъ, потому что держава эта находится у всѣхъ среднеазіатскихъ народовъ въ большомъ презрѣніи.

Кромѣ инструкцій, Никифорову были даны для доставленія въ Хиву письма Перовскаго къ хану и мяхтеру и впоследствии присланъ еще отвѣтъ вице-канцлера на грамоту Алла-Кула, привезенную незадолго до выступленія миссіи изъ Оренбурга посланцемъ Ишніязъ-Баемъ (12).

Будучи уже въ пути, Никифоровъ получилъ еще одно предписаніе Перовскаго (13) относительно неумѣстнаго вмѣшательства хивинскаго хана въ дѣла нашихъ Киргизовъ. Предписаніе это было дано по слѣдующему случаю. Въ то время, когда Никифоровъ приготовлялся къ отъѣзду, появился между Киргизами, кочующими по сѣверной окраинѣ Усть-Урта и по рѣкѣ Уилу, хивинскій чиновникъ Карли-махремъ. Онъ былъ присланъ ханомъ для разбирательства разныхъ ссоръ между родами алимулинскимъ, байулинскимъ и табынскимъ и привезъ къ этимъ Киргизамъ отъ своего повелителя грамоту (14). Такія распоряженія хивинскаго правительства въ нашей степи, по возможности, не допускались и прежде, тѣмъ менѣе они могли быть дозволены теперь, когда одною изъ главныхъ обязанностей миссіи было постановлено требовать отъ Алла-Кула положительнаго невмѣшательства въ дѣла нашихъ Киргизовъ; поэтому хивинскій чиновникъ былъ схваченъ и потомъ переданъ агенту, для доставленія въ Хиву.

Исчисливъ возложенныя на Никифорова порученія, взглянемъ на тѣ средства, которыми располагала его миссія для достиже-

нія указанныхъ ей цѣлей. Средства эти были двухъ родовъ: одни заключались въ личныхъ достоинствахъ главныхъ чиновъ миссіи, а другія въ обстановкѣ и денежномъ ея снабженіи.

Въ описываемое время Никифорову было 34 года. Службу онъ началъ подпрапорщикомъ въ Вологодскомъ полку, въ 1823 году. Формуляръ не обозначаетъ, гдѣ получилъ образованіе Никифоровъ; но изъ разсказа его сослуживцевъ извѣстно, что онъ слушалъ курсъ наукъ въ юнкерской школѣ, образованной графомъ Толемъ при штабѣ бывшей 1-й арміи, откуда воспитанники предназначались для занятій по генеральному штабу. Почему Никифорову не удалось попасть въ тотъ родъ службы, къ которому онъ готовилъ себя въ юности, сказать трудно; изъ послужнаго же списка видно, что изъ Вологодскаго полка онъ былъ переведенъ въ саперы и что турецкая кампанія 1828 — 1829 годовъ была пройдена имъ съ замѣчательнымъ отличіемъ. Въ 1833 году Никифорова перевели въ линейный оренбургскій № 2-го баталіонъ, гдѣ онъ и оставался до 1835 года, то есть до времени поступленія въ генеральный штабъ.

Вслѣдствіе чего сдѣланъ былъ переводъ изъ высшаго рода службы въ низшій, то есть изъ саперъ въ линейную пѣхоту, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что формуляръ по этому случаю замѣчаетъ только: всѣ переводы производились по волѣ начальства. Находясь уже въ генеральномъ штабѣ, Никифоровъ былъ командированъ, въ 1835 году, для производства глазомѣрной съемки между Ураломъ, Уемъ, Тоболомъ и Кумакомъ; съ 16 ноября 1839 года по 13 апрѣля 1840 года находился въ зимнемъ походѣ противу Хивы и въ томъ же 1840 году участвовалъ въ экспедиціи въ степь для составленія топографическаго обозрѣнія путей, ведущихъ къ Аральскому морю и заливу Каратамаку. Такимъ образомъ, прежде поѣздки въ Хиву, Никифорову представлялись случаи для изученія степи и характера ея обитателей, и дѣятельное участіе, принятое въ снаряженіи экспедиціи Перовскаго, заставившее его ознакомиться со всѣми имѣвшимися тогда свѣдѣніями о средне-азіятскихъ ханствахъ, равно и сообщеніе ему для прочтенія различной по азіятскимъ дѣламъ дипломатической переписки Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, должны были значительно увеличить запасъ его свѣдѣній о странахъ, въ которыхъ ему предстояло дѣйствовать.

Что касается нравственныхъ качествъ Никифорова, то должно

сказать, что въ этомъ отношеніи у насъ имѣлись данныя весьма скудныя, частію полученныя отъ нѣкоторыхъ его сослуживцевъ. Изъ данныхъ этихъ можно заключить, однакожь, что Никифоровъ былъ одаренъ наблюдательнымъ умомъ и вообще былъ человѣкъ смѣлый и самолюбивый.

Неудачи и оскорбленія, испытанныя по службѣ и сильно дѣйствовавшія на его болѣзненную натуру, развили въ характерѣ его жолчность и особаго рода раздражительность, доходившую иногда до изступленія. Во время поѣздки съ миссіей, Никифоровъ страдалъ уже аневризмомъ, о существованіи котораго, какъ онъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ писемъ, узналъ только по прибытіи въ Хиву ⁽¹⁵⁾.

Мухамедъ-Шарифъ-Рахметъ-уллинъ Аитовъ началъ службу въ 1817 году, въ бугульминскомъ земскомъ судѣ сверхштатнымъ писцомъ, откуда, въ 1820 году, переведенъ на должность толмача въ оренбургскую пограничную комиссію. Находясь въ комиссіи, Аитовъ нѣсколько разъ былъ командированъ въ степь, гдѣ хорошо познакомился съ характеромъ и бытомъ Киргизовъ, а живя въ Оренбургѣ, имѣлъ случай сходиться съ пріѣзжавшими въ этотъ городъ хивинскими посланцами и купцами. Въ 1839 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Аитовъ былъ отправленъ къ Киргизамъ, кочующимъ вдоль сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря, для найма и доставки верблюдовъ въ Эмбенское укрѣпленіе, подъ экспедиціонный отрядъ Перовскаго; 12 января захваченъ шайкою враждебныхъ Киргизовъ, а въ февралѣ отведенъ чрезъ Ибрагимъ-Ата, Старый-Ургенчъ въ Хиву, куда и прибылъ 4 марта 1840 года. Здѣсь, если вѣрить показаніямъ Аитова, несмотря на тревожное состояніе умовъ по случаю движенія Русскихъ, онъ держалъ себя съ достоинствомъ, на всѣхъ допросахъ отвѣчалъ бойко и твердо и успѣлъ расположить къ себѣ Алла-Кула и нѣкоторыхъ его чиновниковъ. Пребываніе Аитова въ Хивѣ продолжалось до конца іюля, когда, вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными, онъ былъ отпущенъ въ Оренбургъ, куда и прибылъ въ августѣ мѣсяцѣ ⁽¹⁶⁾.

Какъ сильно Аитовъ, по мусульманскимъ обычаямъ, благоговѣлъ передъ особой хана и въ какой степени, по своимъ вѣрованіямъ, допускалъ возможность вести переговоры въ ущербъ единовѣрцевъ, положительно сказать нельзя; но, во всякомъ слу-

чаѣ, каковы бы ни были его задушевныя убѣжденія, наружно онъ всегда дѣйствовалъ и говорилъ въ пользу Русскихъ.

Такою оговорку мы сдѣлали потому, что каковы бы ни были таланты начальника миссіи, отправленной въ азійское государство, но если онъ самъ не можетъ говорить съ туземцами, то всегда при переговорахъ переводчикъ будетъ играть одну изъ важнѣйшихъ ролей; отъ умѣнья его ловко перевести фразу, придать ей въ извѣстныхъ случаяхъ особое значеніе, сгладить иногда рѣзкія выраженія агента и, въ то же время, сохранить его достоинство весьма часто зависитъ успѣхъ всего дѣла.

Обстановка миссіи Никифорова не была слишкомъ грандіозна; въ составѣ ея, кромѣ Аитова, находились: письмоводитель — изъ казачьихъ офицеровъ Оренбургскаго войска, два топографа, 12 уральскихъ казаковъ и 10 Киргизовъ; при миссіи слѣдовалъ также оренбургскій купецъ Дѣевъ. Для начальника миссіи были отпущены казенная лошадь, кибитка и 5 верблюдовъ, а вообще же для всей миссіи назначено: 15 лошадей, 2 кибитки, 5 юла-меекъ и 41 верблюдъ; кромѣ того, она была снабжена различными хозяйственными вещами и чертежными припасами (17).

Подарки, отпущенные агенту, имѣли тройное назначеніе: одни посылались отъ Высочайшаго двора хивинскому хану: въ нихъ заключались четыре куска сукна, два куска шелковыхъ матерій, три куска бархата венеціанскаго, два куска парчи, серебряный чайный сервизъ и къ нему дюжина фарфоровыхъ чашекъ, расписанныхъ цвѣтами съ позолотой; другіе — отъ оренбургскаго военнаго губернатора хивинскому министру (мяхтеру) и, наконецъ, третьи, предоставлялись въ распоряженіе самого агента, для употребленія по его усмотрѣнію (18).

Для покрытія расходовъ, Никифорову было выдано, примѣрно на 6 мѣсяцевъ, 2,650 червонцевъ, которые предназначались на жалованье: агенту по 50 червонцевъ въ мѣсяць, поручику Аитову по 40, письмоводителю по 15, и, сверхъ того, на содержаніе казаковъ и азійской прислуги, на продовольствіе, наемъ верблюдовъ и проч. Въ этомъ же числѣ полагалось: на угощеніе 300 червонцевъ, на отправку гонцовъ 250 и на экстренныя издержки 150 (19).

Одновременно съ снаряженіемъ Никифорова въ Хиву, готовилась къ выступленію изъ Оренбурга и другая миссія — въ Бухару, подъ начальствомъ горнаго инженеръ-маіора Бутенева.

До Сыра обѣ миссіи должны были слѣдовать вмѣстѣ, подъ прикрытіемъ особаго съемочнаго отряда, подъ командою подполковника Бларамберга.

Съ миссіею Никифорова возвращался на родину и бывшій въ Россіи хивинскій посланецъ Атаніязъ-Ходжа-Реизъ-Муфтій, со свитою, которому, по инструкціи Перовскаго, агентъ нашъ обязанъ былъ оказывать должное вниманіе. Впрочемъ — говорила далѣе та же инструкція — «вы поставите при этомъ себѣ за правило дѣйствовать болѣе черезъ поручика Аитова, не входя лично въ слишкомъ тѣсныя связи съ посланцами, дабы они привыкли видѣть въ васъ лицо высшее» (20).

3 мая 1841 года выступили миссіи изъ Оренбурга и, слѣдуя вверхъ по Илеку и далѣе чрезъ вершину Ори, вверхъ по Иргизу до урочища Аиръ-Кизыла и потомъ чрезъ Каракумы, достигли, 5 іюля, Сыръ-Дарьи.

Путь до Сыра миссіи совершили не совсѣмъ миролюбиво, и мы имѣемъ поводъ думать, что между членами ихъ существовалъ духъ несогласія; къ этому присоединилось еще неудовольствіе на Никифорова хивинскаго посланца. Миссіи шли, производя съемку; да и безъ этой причины движенія наши по степи, по свойству европейскихъ привычекъ, не могутъ совершаться такъ быстро, какъ у Азіятцевъ, которые дѣлаютъ огромные переходы. При такихъ условіяхъ, Атаніязъ-Ходжа, конечно, не могъ приближаться къ своей родинѣ съ тою скоростію, какъ бы ему хотѣлось, и считалъ Никифорова, распорядившагося работами топографовъ, едва ли не главнымъ виновникомъ медленности похода. Независимо отъ этого, если вѣрить очевидцу, Никифоровъ обращался съ посломъ чрезвычайно фамильярно и грубо, и, когда Атаніязъ хотѣлъ отдѣлиться на Иргизѣ отъ миссіи, Никифоровъ объявилъ, что прикажетъ его связать (21); только за двѣнадцать дней до прибытія на Сыръ разрѣшено было посланцу отправиться впередъ (22).

Совершивъ, 6 іюля, переправу черезъ Сыръ, миссія направилась къ хивинской крѣпостцѣ, расположенной при озерѣ Кара-Куль, въ которой изъ 200 чел. гарнизона осталось только 40; прочіе же, по случаю приближенія русскаго отряда, сочли за лучшее бѣжать. Въ ожиданіи назначеннаго для встрѣчи ханскаго чиновника, Никифоровъ пробылъ здѣсь нѣсколько дней и въ это время былъ посѣщаемъ многими почетными Киргизами. Изъ

нихъ тѣ, которые кочевали между Сыромъ и Куваномъ, признавали себя явно подданными Россіи; кочующіе же за Куваномъ, по большей части богатые скотоводы, предпочитали власть Хивы, имѣя возможность откупаться въ ней за свои преступленія.

16 іюля, прибывшій для встрѣчи хивинскій чиновникъ Вуизъ-Ніязъ угощаль миссію въ крѣпостцѣ; а 17 она переправилась черезъ Куванъ-Дарью и, слѣдуя далѣе черезъ урочище Джаманъ-Чеганакъ, копани Аиръ-Тау, Зангаръ, озера Камышлы-Башъ и Дау-Кара, достигла, 4 августа, Аму-Дарьи, при г. Кипчакѣ. Отсюда миссія, чрезъ города: Мангытъ, Клычъ-Ніязъ, Ташаусъ, Амбаръ и Шабатъ, слѣдовала къ Хивѣ, куда и прибыла 9 августа (23).

По всему пути, въ населенной полосѣ, миссію встрѣчали высланные ханомъ чиновники и угощали на ночлегахъ. Кромѣ того, въ видѣ почетнаго конвоя, ее сопровождали смѣнявшіяся толпы конныхъ Хивинцевъ и Туркменъ, съ ристаніемъ и ружейною пальбою.

Изъ всѣхъ мѣстъ, пройденныхъ до Хивы, особенное вниманіе Никифорова обратила на себя р. Сыръ. Какъ офицеръ генеральнаго штаба, какъ человекъ, который надѣялся еще на возможность вторичнаго похода въ Хиву, онъ вполне понималъ важность для Россіи владѣнія Сыромъ и въ своихъ письмахъ оставилъ намъ весьма любопытныя замѣтки относительно стратегическаго и торговаго значенія этой рѣки и выбора пути дѣйствій при войнѣ съ Хивою.

Не вступая въ критическій разборъ замѣтокъ, мы приводимъ ихъ съ буквальною точностію, предоставляя каждому судить о справедливости выводовъ человека, видѣвшаго Сыръ 20 лѣтъ назадъ, и въ то время, когда рѣка не носила еще русскаго флага и была устьяна хивинскими и коканскими крѣпостями.

Отъ 14 сентября и 18 октября Никифоровъ писалъ изъ Хивы:

«Отчего до сего времени мы забываемъ мокрый путь Сыръ-Дарьи? Въ Хивѣ грунтъ земли такой же, какъ и на Сыръ-Дарьѣ; но она вся покрыта зеленью, исключая песковъ и пустырей. Такого же цвѣтущаго состоянія въ отрасли хозяйственной промышленности могутъ достигнуть и берега Сыръ-Дарьи; а отъ нихъ далѣе торговля съ Китаемъ могла бы перейти въ наши

руки изъ рукъ Бухарцевъ, и они чрезъ Коканъ получали бы наши товары. Первое впечатлѣніе вида береговъ рѣки Сыра, качество грунта, не располагало меня въ пользу этой рѣки; ибо глазъ мой не могъ допустить возможности добыть что нибудь полезное для селянина изъ тяжелаго, глинисто-песчанаго, иловатаго и солонцоватаго грунта по р. Сыру. Но меня впоследствии очень поразили видъ жатвы и, въ то же время, посѣвъ пшена. Потомъ, пріѣхавъ на р. Аму, вижу тотъ же грунтъ, тѣ же пески и солончаки, тотъ же иль, но страна цвѣтетъ всѣми избытками произведеній для хлѣбопашца. Меня все удивляло на каждомъ шагу, и, не видя нигдѣ ни клочка чернозема, я не могъ представить себѣ такого изобилія земли, начиная отъ колосовыхъ растеній до огромныхъ, густыхъ, величественныхъ деревьевъ. Теперь я убѣжденъ, что и р. Сыръ доставитъ то же богатство въ жизненныхъ потребностяхъ и въ роскоши, какъ и берега Аму. Постройка домовъ изъ ила прочна до невѣроятности, въ чемъ я убѣдить могу васъ привозомъ обломка стѣны изъ дома, въ которомъ живу; между тѣмъ, надобность въ деревѣ весьма ограничена. Это уменьшить издержки на лѣсъ, въ чемъ нуждалось бы первоначальное заселеніе на р. Сыръ. Островъ, образуемый устьемъ р. Сыра—протокомъ Джилькуванъ, который, впадая въ озеро Косъ-Куль, соединяется съ рѣкою Куванъ-Дарьею—весьма важенъ въ томъ отношеніи, что, будучи окруженъ съ трехъ сторонъ протоками воды, можетъ быть употребленъ весь на пользу заселенія; притомъ же, передаетъ во власть заселенія устье Сыра, а потому и плаваніе по Сыру и Аральскому морю, которое должно быть изобильно красною рыбою, судя по множеству и дешевизнѣ этой рыбы въ прибрежныхъ городкахъ Хивинскаго ханства.

«Озера Камышлы-Башъ и Айгирикъ также могутъ быть обращены на поливку пашень; только умѣйте распорядиться запасомъ воды, который доставляетъ р. Сыръ.

«Вся долина Аму-Дарьи отъ Бадакшана, вся долина Сыра отъ Кокана—одинаковы: вездѣ поливка полей доставляетъ вознагражденіе пахарю. Современемъ заселеніе можетъ распространиться по Кувану и далѣе по Сыру до предѣловъ Туркестана; а торговую компанію удобнѣе учредить не въ Самаркандѣ, а въ Коканѣ, какъ для сношеній съ Яркентомъ, такъ и для сношенія съ Бухарой, которая въ торговыхъ связяхъ будетъ въ на-

шихъ рукахъ, между тѣмъ какъ плаваніе по р. Сыру уменьшитъ втрое издержки найма верблюдовъ отъ Оренбурга до Бухары. Киргизы возьмутся за умеренную плату доставить сколько нужно будетъ тяжестей на р. Сыръ. На первое время наемъ верблюда изъ Орска обойдется не дороже 12 руб. ассигнаціями; можетъ быть, найдется и телѣжный путь до р. Сыра. О водѣ не безпокойтесь, лишь бы были лопатки, которыя нароютъ въ разныхъ мѣстахъ колодцы на все время по путямъ сообщенія. Хива можетъ также доставить нѣкоторую немаловажную пользу сбытомъ виноградныхъ лозъ, деревьевъ и лодокъ для плаванія. Лодки хивинскія чрезвычайно прочны и дешевы: одну строили по заказу въ Кипчакахъ, и она стоила 350 руб. Далевская постройка дороже и не можетъ сравниться крѣпостію. Въ первое время заселенія по Сыру, жителями могутъ быть сами Киргизы, между которыми расселить русскія семейства, и кончится тѣмъ, что Киргизы обрусѣютъ, или же нужно предоставить значительныя льготы для желающихъ переселиться на р. Сыръ, лишь бы переселеніе это дѣлалось исподоволь, по 100 или по 150 семействъ ежегодно, а когда умножатся запасы хлѣба, то и 1,000 семействъ будетъ въ мѣру, лишь бы достало бревешекъ на матицы и стропила. Поля должны оставаться собственностію поселанина, иначе не будетъ усиленнаго труда и урожая. Сдѣлавъ вѣрную и подробную съемку и нивелировку всего острова, можно составить удобнѣйшій проектъ, какъ проводить каналы и какъ распредѣлить воду по заселеніямъ хуторовъ. Если Богъ дозволитъ мнѣ пріѣхать въ Оренбургъ, я займусь не отчетомъ, что видѣлъ, но составленіемъ проекта занятія Сыра.» (24)

Наконецъ, въ письмѣ, отъ 2 октября, къ В. А. Перовскому находимъ:

«Позвольте здѣсь, ваше превосходительство, коснуться предмета, осуществленіе котораго принесетъ несомнѣнную пользу Оренбургскому краю и самымъ вѣрнымъ образомъ упрочитъ вліяніе Россіи на Турань. Я хотѣлъ бы сказать о приведеніи въ исполненіе идеи вашего превосходительства, извѣстной мнѣ еще съ 1835 года, т. е. занятіе рѣки Сыра (25). Конечно, издержки будутъ значительны; но онѣ окупятся пользою для края и облегчатъ управленіе обширною Киргизскою степью. Власть пограничной комиссіи у Мугоджарскихъ горъ не имѣетъ желаемой

силы, которая болѣе и болѣе исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ р. Сыру. Нельзя надѣяться на введеніе желаемого устройства и порядка въ Киргизской степи, если не будутъ основаны въ ней нѣсколько точекъ, которыя выражали бы проявленіе силы и власти російскаго правительства среди кочующихъ племенъ. Крайняя точка была бы на р. Сырѣ. Грунты земли въ долинѣ Аму-Дарьи и Сырѣ-Дарьи совершенно одинаковы, что допускаетъ возможность довести и берега Сыра до той же степени процвѣтанія въ отношеніи первыхъ жизненныхъ потребностей, въ какомъ находится и Хивинское ханство, которое разсадило въ солончакахъ лѣса для своей домашней потребности, образовало густую тѣнь по окраинѣ бесплодныхъ песковъ, и нѣтъ клочка земли, который оставался бы бесполезнымъ; жизненные и вообще сѣстные припасы дешевы. Способъ постройки жилищъ и вообще казенныхъ зданій при заселеніи р. Сыра должно перенять отъ Хивинцевъ, съ приличнымъ измѣненіемъ. Дома ихъ прочны, стоятъ долго, сухи и въ постройкѣ дешевы.

«Хлѣбъ на берегахъ Сыра собираютъ два раза въ годъ: въ глазахъ нашихъ жали пшеницу и засѣвали поля просомъ. Многія потребности для хозяйства поселянину и для гарнизоновъ можно бы пріобрѣсти покупкою изъ Хивы: Хивинцы для казармъ ихъ гарнизоновъ на р. Сырѣ привозятъ лѣсъ въ лодкахъ по Аральскому морю. Тополь, ветла, джида и всѣ фруктовыя деревья могутъ съ успѣхомъ произрастать на берегахъ Сыра, какъ и въ Хивѣ, и чрезъ 15 лѣтъ заселенія жители могли бы довольствоваться во всемъ произведеніями своей земли. Положите, ваше превосходительство, прочное начало сему дѣлу, и оно будетъ не послѣднимъ вѣнцомъ изъ благотворныхъ нововведеній и устройства, сдѣланныхъ вами въ безграничномъ Оренбургскомъ краѣ.

«Кромѣ вліянія на кочевыя племена, занятіе Сыра доставитъ несомнѣнныя и неисчислимыя выгоды въ отношеніи торговомъ, которыя упрочатъ навсегда вліяніе Россіи на Турань. По образу жизни Хивинцевъ и Бухарцевъ, нельзя надѣяться на увеличеніе сбыта русскихъ товаровъ въ Туранѣ, пока эти народы будутъ передатчиками нашихъ издѣлій южнымъ сосѣдямъ своимъ. Товары, привозимые ими изъ Россіи, и теперь слишкомъ превосходятъ мѣру потребности Хивы и Бухары, и избытокъ русскихъ издѣлій они, по необходимости, сбываютъ въ Яркентъ, откуда

ежегодно вывозятъ до 16,000 пудовъ чая. Этотъ чай добротою несравненно ниже вымѣниваемаго на Кяхтѣ; но пониженіе доброты чая происходитъ главнѣйше не отъ качества покупаемаго въ Яркентѣ чая, но отъ крайней небрежности мусульманскихъ купцовъ въ сбереженіи своего товара и частію отъ недостаточныхъ способовъ перевозки. Въ Яркентѣ чай этотъ пересыпаютъ въ кожаные и даже шерстяные мѣшки; во время пути онъ подмокаетъ, пылится и отъ прикосновенія съ пахучими тѣлами теряетъ свой ароматъ, отчего въ Бухарѣ и Хивѣ привозимый изъ Астрахани и Оренбурга чай въ ящикахъ цѣнится какъ самая высокая роскошь. Хивинцы, невзирая на всѣ притѣсненія, дѣлаемые имъ въ карантинѣ и таможенѣ города Астрахани, значительные капиталы свои обращаютъ туда чрезъ Мангишлакъ и все еще пользуются вѣрными и большими барышами, что происходитъ: 1) отъ малой цѣны за провозъ товаровъ отъ Мангишлака до Хивы и 2) отъ ничтожныхъ расходовъ за провозъ товаровъ до Хивы вверхъ по р. Аму. Лучшимъ убѣжденіемъ въ этомъ случаѣ можетъ быть сплавъ товаровъ по р. Волгѣ. А съ занятіемъ береговъ р. Сыра истекаютъ слѣдующія торговая и политическія выгоды:

«1) Уменьшить почти на половину расходы за провозъ товаровъ изъ Оренбурга и Петропавловска до Бухары, а тѣмъ самымъ увеличить и вывозъ русскихъ издѣлій.

«2) Значительно уменьшить издержки подвоза товаровъ морскимъ путемъ до Кокана и далѣе сухимъ путемъ до Бухары. Этимъ способомъ и Коканъ съ его землями и Бухара вынуждены будутъ покупать товары изъ первыхъ рукъ у самихъ купцовъ, а не у фабрикантовъ внутри Россіи.

«3) Переведетъ всю торговлю изъ Бухары въ Коканъ или на берега р. Сыра.

«4) Передастъ во власть російскаго правительства плаваніе по р. Сыру и Аральскому морю.

«5) Откроетъ путь російскимъ купцамъ въ Китай, чрезъ Яркентъ. Если таможенные сборы на Кяхтѣ составляютъ такой значительный итогъ для правительства, то впоследствии времени пошлинный сборъ съ товаровъ, вымѣниваемыхъ въ Яркентѣ, можетъ достигнуть до того же итога всеобщимъ употребленіемъ чая въ Россіи и сбытомъ его за границу въ Европу, гдѣ вымѣниваемый русскими купцами чай можетъ такъ же высоко цѣниться

Европейцами, какъ онъ цѣнится у жителей Турана и какъ оцѣнилъ его капитанъ Борисъ, въ бытность его въ Бухарѣ.

«Занятіе р. Сыра сдѣластъ Оренбургъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, пролетъ новые капиталы въ Оренбургскомъ краѣ, и русскіе купцы, промѣномъ нашихъ товаровъ въ Китай чрезъ Яркентъ изъ первыхъ рукъ, могутъ снабжать чаемъ весь Туранъ. Ханъ хивинскій вполне постигаетъ важность занятія Сыра, говоря, что если Русскіе съ нимъ вмѣстѣ будутъ пить воду изъ Сыръ-Дарьи, то Хивинцамъ нельзя жить.»

Описавъ путешествіе миссіи до Хивы, считаемъ нелишнимъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о характерѣ хивинскаго хана и главныхъ его сановниковъ, тѣхъ лицъ, съ которыми преимущественно приходилось Никифорову сталкиваться и вести переговоры.

Алла-Кули-ханъ вступилъ во владѣніе Хивою послѣ смерти воинственнаго Мухамедъ-Рахима, въ 1825 году. Еще отецъ Алла-Кула успѣлъ прекратить всѣ мелкіе раздоры узбековъ, нарушавшихъ спокойствіе ханства; ему же была обязана Хива за подчиненіе ей, хотя отчасти и номинальное, Мерва, Саракса, Кунграда и сосѣднихъ киргизскихъ и туркменскихъ родовъ. Получивъ отъ отца владѣніе довольно значительное по пространству, но скудное населеніемъ, Алла-Куль употребилъ весьма оригинальное средство для развитія осѣдлости въ своемъ оазѣ. Хищными, внезапными набѣгами на сосѣднія персидскія области онъ постоянно добывалъ здоровыхъ работниковъ изъ плѣнныхъ Персіянъ, распродававшихся по всему ханству; а нападеніе на кочевавшее въ предѣлахъ Герата племя Ямшидовъ доставило ему 7,000 кибитокъ для заселенія пустопорожнихъ земель между Куня-Ургенчемъ и Мангытомъ. Въ 1841 году хану было около 50 лѣтъ. Несмотря на природный смѣтливый умъ, образованіе его, однакожь, ограничивалось умѣньемъ читать, писать, считать и весьма несовершеннымъ знаніемъ персидскаго языка. Онъ рѣдко слушался совѣтниковъ, какъ всякій Азіятецъ былъ сластолюбивъ и для пріобрѣтенія денегъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ. Любимымъ разговоромъ хана была гаремная хроника, и тотъ изъ его приближенныхъ, кто владѣлъ бѣльшимъ запасомъ безнравственныхъ новостей и, притомъ, рассказывалъ ихъ за-

бавно, смѣло могъ разсчитывать на расположеіе своего повелителя.

Значительнѣйшимъ лицомъ по ханѣ былъ *мяхтеръ* Мухамедъ Якубъ-Бай. Онъ завѣдывалъ южною половиною ханства и иностранными сношеніями. Мяхтеръ всегда слушалъ со вниманіемъ рассказы о богатствѣ и силѣ Россіи, желалъ ближе познакомиться съ нравами ея жителей и просилъ Аитова, когда тотъ возвращался изъ плѣна, выслать ему русско-татарскую грамматику. Якубъ-Баю было лѣтъ 40, и изъ числа всѣхъ приближенныхъ хана онъ болѣе другихъ былъ расположенъ помогать нашимъ интересамъ.

За мяхтеромъ слѣдовалъ *Кушъ-Беги*, управлявшій сѣверной половиною ханства. Ему было около 35 лѣтъ. Въ молодости онъ былъ хорошъ собою и находился въ мужскомъ отдѣленіи ханскаго гарема. Это обстоятельство и изобрѣтательность на скандалезные рассказы дѣлали Кушъ-Беги однимъ изъ близкихъ къ хану людей; но на внѣшнія дѣла, сколько было извѣстно, онъ особаго вліянія не имѣлъ. Званіе его, такъ же, какъ и званіе мяхтера, было наслѣдственное въ одномъ домѣ.

Ходжешъ-махремъ, правитель Ташауза, былъ рабомъ при Мухамедъ Рахимѣ и, еще въ молодости взятый съ нимъ въ плѣнъ Бухарцами, спасъ своего повелителя, переправивъ его на западную сторону Аму.

Такая услуга пріобрѣла ему настоящее званіе и полную довѣренность покойнаго хана, при которомъ онъ былъ главнымъ лицомъ въ Хивѣ. Во время Никифорова Ходжешъ-махрему было лѣтъ 60, непосредственнаго участія въ дѣлахъ онъ не принималъ, но пользовался большимъ уваженіемъ хана и вообще всей Хивы и былъ расположенъ къ Русскимъ.

Диванъ-Беги, начальникъ таможенъ, былъ избранъ на эту должность самимъ Алла-Куломъ и, вслѣдствіе вкрадчиваго своего характера, пользовался большимъ довѣріемъ хана. Съ мяхтеромъ Диванъ-Беги жилъ не въ ладахъ. По участію въ совѣтахъ ханскихъ и по непосредственному вліянію на купцовъ, съ которыхъ онъ собиралъ пошлины, Диванъ-Беги былъ лицомъ очень важнымъ для иностранцевъ. Онъ не любилъ Русскихъ, противился выдачѣ плѣнныхъ, но, по страшному корыстолюбію, могъ быть расположенъ въ нашу пользу хорошими подарками.

Изъ другихъ близкихъ къ хану лицъ слѣдуетъ упомянуть

еще о братѣ хана, Инахѣ Рахманъ-Кулѣ, человекѣ пожилomъ, очень любившемъ крѣпкіе напитки, и о старшемъ сынѣ ханскомъ, который въ это время, однако, жилъ въ Хазаръ-Аспѣ (26).

Квартира миссіи въ Хивѣ была приготовлена въ загородномъ домѣ Рафейникъ, принадлежавшемъ одному изъ родственниковъ мяхтера; при домѣ находился только особо назначенный Юзъ-баши. На другой день по прибытіи, мяхтеръ прислалъ чиновника поздравить миссію съ пріѣздомъ, узнать о здоровьѣ агента и просить его доставить Высочайшую грамоту и другія бумаги; за любезность агентъ приказалъ благодарить, но въ выдачѣ бумагъ отказалъ, объявивъ, что онѣ будутъ представлены лично хану. Впрочемъ, для нѣкотораго удовлетворенія желанія министра, посланы къ нему, бывшія у агента, копіи (27).

11 августа, вечеромъ, чрезъ особо присланнаго чиновника, ханъ выразилъ желаніе принять Никифорова и получить отъ него Высочайшую грамоту и письма. Въ сопровожденіи членовъ миссіи и 8 казаковъ, несшихъ подарки, агентъ отправился на аудіенцію. По прибытіи ко дворцу, его попросили снять оружіе и затѣмъ повели на одинъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ воссѣдалъ ханъ и въ почтительной позѣ стояли мяхтеръ, Диванъ-Беги, Кушъ-Беги, Ходжешъ-мяхремъ, Атаніязъ и еще два какихъ-то сановника.

Послѣ обмѣна обыкновенныхъ привѣтствій, агентъ произнесъ небольшую рѣчь и вручилъ мяхтеру, для поднесенія хану, Высочайшую грамоту и письма. Съ своей стороны, Алла-Куль, принявъ грамоту и, не читая, положивъ ее близъ себя на коверъ, освѣдомился о здоровьѣ государя. Затѣмъ агентъ, съ дозволенія хана, приказалъ внести подарки, а поручикъ Аитовъ, раскрывъ ихъ, объяснилъ назначеніе и достоинство нѣкоторыхъ вещей. Сколько можно было судить, ханъ особенно остался доволенъ серебрянымъ сервизомъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Алла-Куль обратился къ Никифорову съ вопросомъ: какое онъ имѣетъ порученіе отъ Государя Императора? Въ отвѣтъ на это было объявлено «что Государь Императоръ искренне желаетъ изволить независимаго существованія и благоденствія хивинскому владѣльцу и его народу, что «Его Величество изволить обѣщать высокое покровительство «свое его высокостепенству и всему Хоарезму, если ханъ Алла-Куль вступитъ въ дружественный союзъ съ російскою дер-

«жавою и будетъ сохранять правила добраго сосѣда, что этимъ «упрочатся торговля и взаимная польза». Выслушавъ это, ханъ, положи руку на сердце, сказалъ: «благодареніе Богу, я ничего болѣе не желаю», и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о пройденныхъ миссіею мѣстахъ, о перенесенныхъ трудностяхъ во время похода отъ р. Сыра, отпустилъ агента, прибавя, что послѣ труднаго пути нуженъ отдыхъ.

Такъ кончилось первое свиданіе, дававшее, повидимому, надежду на благопріятное веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что Алла-Куль тутъ же объявилъ, что агентъ можетъ видѣться съ нимъ, когда пожелаетъ, предупреждая только заблаговременно объ этомъ мяхтера; вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ пригласилъ чиновниковъ своихъ оказывать всевозможныя уваженія Никифорову и стараться сдѣлать для него пребываніе въ Хивѣ пріятнымъ.

13 августа ханъ вновь просилъ къ себѣ агента и, въ продолжительной бесѣдѣ, спрашивалъ о могуществѣ Англіи и Россіи, о правительственныхъ лицахъ въ послѣдней, о дѣлахъ Турціи и о причинахъ войны Англіи съ Китаемъ; въ заключеніе изъявилъ желаніе срыть Ново-Петровское укрѣпленіе и приступить къ разграниченію Киргизовъ. Вообще же ханъ, при похвальномъ любопытствѣ, выказалъ полное незнаніе всего, что относится до политическихъ дѣлъ Европы.

Для характеристики такихъ бесѣдъ, приводимъ разговоръ хана съ агентомъ насчетъ дѣйствій Англичанъ, записанный рукою Никифорова и сохранившійся въ бумагахъ покойнаго.

Ханъ. За что Англія воюетъ съ Китаемъ?

Агентъ. Ваше высокостепенство слышали, что есть Индія, которою овладѣли Англичане. Завоеваніе Индіи не было сначала преднамѣреніемъ англійскаго правительства, но есть послѣдствіе распространенія власти общества купцовъ, которые, для собственныхъ выгодъ, именемъ правительства своего, поработили всю Индію. Купцы за это дозволеніе отъ своего короля обязывались уплачивать ежегодно, въ родѣ подати, часть своихъ доходовъ. Эта подать, по мѣрѣ распространенія Англичанъ въ Индіи, увеличилась до того, что составляетъ теперь едва ли не $\frac{1}{3}$ всѣхъ королевскихъ доходовъ Англіи. Купцы не могли платить звонкою монетою, а платили всегда товарами, и преимущественно чаемъ, который вымѣнивали въ Китаѣ на опиумъ. Китайскій

богдыханъ, видя пагубное распространеніе опиума между своими подданными, запретилъ ввозъ онаго; а какъ опиумъ былъ важнѣйшей товаръ англійскихъ купцовъ, которые не знали, куда его сбыть, то они и требовали отмены наложеннаго запрещенія, всячески стараясь сбывать Китайцамъ опиумъ, отчего правительство Китая вынуждено было кончить тѣмъ, что конфисковало опиумъ Англичанъ и бросило его въ море, цѣною болѣе 175,000,000.

Ханъ. Англійскіе купцы виноваты?

Агентъ. Конечно; но какъ черезъ потерю купцами товара Англія лишается подати, которая составляетъ значительную часть доходовъ ея, то, для вынужденія Китайцевъ къ вознагражденію, правительство приняло купцовъ подъ свою защиту.

Ханъ. Слухи есть, что Англичане готовятся занять Балхъ?

Агентъ. Я не слыхалъ; но если они намѣреваются это сдѣлать, то сдѣлаютъ.

Ханъ. Намъ нельзя дозволить: это нашъ городъ.

Агентъ. Балхъ когда-то принадлежалъ Бухарѣ, а теперь, со смертію владѣтеля Кундуза, никому не принадлежитъ.

Ханъ. Я пойду съ войскомъ защищать мусульманскій городъ.

Агентъ. Ваше высокостепенство въ этомъ не успѣете. Англичане народъ европейскій, они сильны. Лучше не подавайте имъ причины враждовать на васъ.

Послѣдующее поведеніе хана не измѣнило первому приему. И дѣйствительно: какъ только агентъ изъявлялъ желаніе видѣться съ Алла-Куломъ, такъ и былъ приглашаемъ въ тотъ же день, вечеромъ.

Свиданія происходили обыкновенно на приемномъ дворѣ, и постоянно въ присутствіи мяхтера, а иногда нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ. Сидѣлъ только ханъ, всѣ же присутствующіе стояли около него; во время свиданія нерѣдко жарко спорили, но разставались всегда дружелюбно, и ханъ обыкновенно дарилъ, при прощаньи, Никифорову нѣсколько головъ сахара.

Въ самомъ началѣ переговоровъ, Алла-Куль коснулся предмета для него наиболѣе близкаго и существеннаго: это — разграниченія Киргизовъ, и объявилъ притязанія на рр. Эмбу, Иргизъ и Тургай. Такія требованія превосходили всѣ уступки, какія допускала по настоящему предмету инструкція, а потому Ники-

Форовъ постоянно и отвергалъ ихъ. Любопытно, что къ концу каждаго засѣданія агентъ, казалось, совершенно убѣждалъ хана въ основательности его требованій, но проходило нѣсколько дней, назначалась новая аудіенція, и ханъ не только повторялъ тѣ же условія, отъ которыхъ не задолго отказался, но и прибавлялъ къ нимъ всегда что нибудь новое. Такъ разъ, когда Никифоровъ былъ поставленъ на очную ставку съ нѣкоторыми изъ ханскихъ совѣтниковъ и, опровергнувъ ихъ доводы, выразилъ Алла-Кулу сожалѣніе, что если онъ будетъ слушать такіе совѣты, какъ теперъ, то агенту придется отказаться отъ порученія и потерять всякую надежду на соглашеніе, — ханъ, немного подумавъ, отступился отъ границы по Эмбѣ и Иргизу; но за то не далѣе, какъ по прошествіи недѣли, онъ какъ бы совершенно забылъ о своей уступкѣ и сталъ требовать тѣхъ же границъ (28).

Подобныя уловки азіятской дипломатіи только раздражали агента и были для него очень тягостны, особенно, если принять въ расчетъ состояніе его здоровья. Дѣйствительно, по прибытіи въ Хиву, Никифоровъ уже чувствовалъ себя очень дурно: «я такъ ослабѣлъ — пишетъ онъ отъ 20 сентября — что «малѣйшее напряженіе мысли мнѣ крайне вредно, я уже и не говорю о движеніи». Онъ не могъ даже писать самъ, и вся корреспонденція его съ Россіей за это время ведена подъ диктовку; только къ концу октября ему, повидимому, стало легче. Была, впрочемъ, и другая причина, которая мѣшала успѣху порученія миссіи: ханъ затруднялся вести съ Никифоровымъ переговоры, такъ какъ основы ихъ не были изложены въ Высочайшей грамотѣ. Съ своей стороны, агентъ хотя и возражалъ на это, что если бы предполагаемыя условія были написаны въ грамотѣ, то переговоры не имѣли бы мѣста, и ханъ былъ бы обязанъ принять условія для себя какъ законъ, и что Государь Императоръ, вѣря искреннему желанію хана быть въ мирѣ съ Россіей, изволить предлагать условія чрезъ своего посланнаго, съ тѣмъ, что добровольное согласіе хана будетъ служить вѣрнымъ залогомъ прочнаго мира и искренней покорности Алла-Кула государю; но доводы эти мало принесли пользы. При такомъ положеніи дѣлъ, Никифоровъ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе существеннымъ средствамъ. Въ числѣ подарковъ, бывшихъ у агента, но не переданныхъ еще хану, находились желѣз-

ная печка и карсельскія лампы. Вещи эти сильно интересовали Алла-Кула, и онъ давно желалъ ихъ получить. 22 августа, въ день коронаціи государя, печка и лампы, съ прибавкой 6 пудовъ сахара и пуда кофе, были поднесены хану; однакожь, его высокостепенство, несмотря на все удовольствіе, доставленное ему этимъ подаркомъ, уступчивѣе нисколько не сдѣлался.

Въ частной жизни миссія хотя не была стѣсняема въ Хивѣ и Никифоровъ нерѣдко измѣрялъ улицы, снималъ планы, а топографъ съ купцомъ нашимъ ѣздилъ по разнымъ городамъ и чертилъ путевые маршруты, тѣмъ не менѣе, однакожь, тайная полиція хана зорко слѣдила за дѣйствіями нашихъ чиновниковъ, а всѣ важнѣйшія лица ханскаго двора хотя и старались оказывать имъ постоянное уваженіе, но въ тѣснѣйшую связь съ Никифоровымъ не вступали, въ особенности же Кушъ-Беги, Диванъ-Беги и Ходжешъ-махремъ, которые уклонились даже отъ угощенія. Причину послѣдняго поступка отчасти надо искать въ томъ, что эти лица не получили такихъ подарковъ, какъ махтеръ, и только передъ отъѣздомъ агентъ послалъ Кушъ-Беги зеркало, а Диванъ-Беги столовые часы и по куску сукна; но, вѣроятно, было и другое обстоятельство, которое заставляло сановниковъ держать себя вдаль отъ агента. Что касается махтера, то, по полученіи подарковъ, онъ немедленно пригласилъ на обѣдъ миссію, но уклонился отъ политическихъ разговоровъ, объясняя, что право на это принадлежитъ исключительно хану; въ свою очередь, Никифоровъ не отплатилъ махтеру за обѣдъ, чрезъ что частныя ихъ сношенія прекратились.

Отказывая въ согласіи на требованія агента, ханъ, вза-мѣнъ этого, старался на каждомъ шагу выказать ему знаки своего наружнаго расположенія и довѣрчивости. Ласковость его не ограничивалась одними приемами, но обнаруживалась и въ заботливости о потребностяхъ миссіи: помѣщена она была въ лучшемъ загородномъ домѣ, каждое утро доставляли ей изъ ханскихъ садовъ плоды, и, сверхъ того, постоянно выдавали кормовыя деньги—по пяти тиллей въ сутки⁽²⁹⁾. Исключеніемъ изъ такихъ любезностей было только выраженное ханомъ настояніе видѣть первыя депеши, отправленныя агентомъ въ Россію; но на такое требованіе Никифоровъ отвѣчалъ посланному рѣшительнымъ отказомъ и, въ притворномъ гнѣвѣ, разорвавъ передъ нимъ въ мелкіе клочки свои письма, послалъ эти лоскутки для про-

чтенія мяхтеру; послѣ такого поступка отправка почты производилась уже безъ явныхъ затрудненій. Такимъ образомъ, по наружности, миссія была окружена предупредительностію и, казалось, не могла жаловаться на недостатокъ къ ней довѣрія даже такихъ подозрительныхъ чиновниковъ, какъ хивинскіе. Но не такъ находилъ свое положеніе агентъ, и вотъ что писалъ онъ на этотъ счетъ изъ Хивы: «Мы живемъ довольно стѣсненно: насъ мало кто посѣщаетъ, а если приходятъ люди, отъ которыхъ можно бы было получить нѣкоторыя свѣдѣнія, то они боятся бывать часто, и мы всегда окружены шпионами. Теперь я рѣшился отправить къ вамъ почту секретно отъ всѣхъ, въ намѣреніи извѣстить его превосходительство Василія Алексѣевича (Перовскаго) о ходѣ дѣлъ миссіи». И потомъ относительно сановника, на содѣйствіе котораго при переговорахъ онъ болѣе всего могъ разсчитывать, находимъ: «Мяхтеръ избѣгаетъ всякихъ сношеній съ агентомъ, въ отклоненіе подозрѣній хана по поводу дружественныхъ связей съ членами миссіи, и опасается подкуповъ. Подарки, доставленные отъ имени вашего превосходительства мяхтеру, были переданы ему тайно и съ крайнею предосторожностію; впрочемъ, сановники хана имѣютъ весьма мало вліянія, и ханъ входитъ лично во всѣ сношенія съ агентомъ по предмету заключенія условій акта» (30).

Дни проходили за днями, здоровье агента становилось хуже, а переговорамъ, при такой системѣ, которую принялъ ханъ, т. е. отвергать въ новомъ засѣданіи большую часть того, что было имъ утверждено въ предъидущемъ, не предвидѣлось конца.

По 1-й статьѣ, относительно обезопасенія Русскихъ, не встрѣтилось затрудненій, и ханъ, говоря, что статья эта уже опредѣлена фирманомъ его 18 іюля, желалъ только имѣть соотвѣтствующее обязательство со стороны Россіи, на что агентъ не согласился, по той причинѣ, что Россія никогда не притѣсняла хивинскихъ подданныхъ.

По 2-й — явились уже споры, по случаю требованія Никифоровымъ уравниенія въ Хивѣ нашихъ купцовъ въ пошлинномъ сборѣ съ хивинскими подданными. Алла-Куль возражалъ, что пошлиннаго сбора въ Хивѣ нѣтъ, взимается же съ купцовъ, какъ и со всѣхъ хивинскихъ подданныхъ, на основаніи корана, закятъ, или $2\frac{1}{2}\%$ съ имущества; что оплаченнымъ такимъ образомъ капиталомъ всѣ купцы могутъ безпрепятственно дѣлать

сколько хотять оборотовъ въ годъ; что то же правило соблюдается и относительно иноземцевъ, съ тѣмъ только, что ино-вѣрцы должны платить вдвое противу мусульманъ, и какъ это законъ религіозный, то и отмѣненъ быть не можетъ. Впрочемъ, въ угодность Россіи, ханъ соглашался допустить, взамѣнъ закята, пошлинный сборъ при ввозѣ и вывозѣ товаровъ изъ Хивы, но до установленія этого новаго правила хотѣлъ руководствоваться прежнимъ порядкомъ⁽³¹⁾. Относительно же обезпеченія бухарскихъ каравановъ Никифоровъ ни въ какіе переговоры не входилъ, считая ихъ несвоевременными.

Наконецъ, по 3-й статьѣ, относительно опредѣленія границъ вліянія хана въ степи, возникли непреодолимая затрудненія. Никифоровъ требовалъ, чтобы ханъ не посылалъ своихъ чиновниковъ за Сыръ-Дарью и линію, протянутую отъ Куль-Магура до урочища Маната, соглашался предоставить хану право сбора закята съ племень, кочующихъ къ югу отъ означенной черты, но съ тѣмъ, чтобы они все-таки признавались подданными Россіи, и оставлялъ за Россіею все восточное побережье Каспія до устья Гюргеня на 15 верстъ отъ берега, съ правомъ для имперіи устраивать тамъ селенія и крѣпости. Ханъ возражалъ, что онъ всегда собиралъ закятъ съ племень, кочующихъ на Эмбѣ, въ Барсукахъ и на Иргизѣ, а потому и не можетъ отказаться отъ этого права и тѣмъ менѣе признать подданными имперіи Кайсаковъ, кочующихъ къ югу отъ Сыра и на Усть-Уртѣ, что такое настояніе Россіи было бы совершенно противно изъявленнымъ ею дружественнымъ расположеніямъ къ Хивѣ, лишая послѣднюю значительной части доходовъ и податей, и что, наконецъ, самое опредѣленіе какой бы то ни было границы несогласно съ безопасностію ханства и переданными ему безкорыстными намѣреніями государя, такъ какъ при этомъ Россія пріобрѣтетъ право устраивать крѣпости на самыхъ предѣлахъ Хивы и тѣмъ всегда угрожать самостоятельности ея. Въ отвѣтъ на это хану было объяснено, что подданство Киргизовъ Россіи несомнѣнно, такъ какъ всѣ роды присягнули на него еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія, дѣйствія же хивинскихъ владѣльцевъ, на которыя нынѣ опирается Алла-Куль, суть самоуправства, несомнѣстныя съ дружественными отношеніями къ имперіи; что отказаться отъ подданства Кайсаковъ противно было бы достоинству Россіи, которая и безъ того много снис-

ходить, уступая хану право взимать подати съ нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ и временно управлять ими; что опредѣленіе положительной границы необходимо для избѣжанія столкovenій между русскими и хивинскими властями; что опасенія насчетъ устройства крѣпостей неосновательны, такъ какъ на всѣхъ другихъ границахъ Россія имѣетъ болѣе значительныя крѣпости, безъ всякаго вреда для сосѣдей, и, наконецъ, что побережье Каспія по праву принадлежитъ имперіи, которая одна имѣетъ и можетъ имѣть флотъ на этомъ морѣ. Доводы эти, однако, не убѣдили Алла-Кула. Видя, что всѣ миролюбивыя средства, употребленныя къ склоненію хана на наши предложенія, остаются бесполезными, Никифоровъ рѣшился принять другой способъ дѣйствій.

11 сентября истребовавъ аудіенцію у хана, агентъ явился къ нему въ полномъ присутствіи важнѣйшихъ сановниковъ Хивы, и грозную, и непривычную для слуха рѣчь привелось на этотъ разъ выслушать высокостепенному Алла-Кулу. Ему была вручена, отъ имени оренбургскаго военнаго-губернатора, декларация и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено: что всѣ кочующія племена, приняшія подданство Россіи, признаются подданными Государя Императора, а земли ихъ кочевокъ достояніемъ имперіи, что будетъ ли Хива состоять въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Россіею, или нѣтъ, но изложенныя въ деклараціи мѣры всегда будутъ приводимы въ исполненіе, и что условія Россіи предлагаются агентомъ его высокостепенству въ послѣдній разъ. Затѣмъ Никифоровъ представилъ хану проектъ мирнаго договора и потребовалъ, въ случаѣ несогласія на этотъ актъ, дозволенія ѣхать въ Россію.

Содержаніе деклараціи было слѣдующее:

Высокостепенному хану Алла-Кулу російскаго Императорскаго агента.

Именемъ г. оренбургскаго военнаго губернатора имѣю честь объявить, что:

1) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей между Киргизами, кочующими по сѣверную сторону рѣки Сыра, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

2) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ Киргизовъ, кочующихъ въ пескахъ Барсукахъ, на рѣкѣ Эмбѣ, на берегахъ моря въ урочищѣ Кай-Кунакты и по бере-

гамъ залива Карасу и на сѣверныхъ частяхъ чинка, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

3) Всякій хивинскій подданный, являющійся въ аулы Киргизовъ, принадлежащихъ Россійской Имперіи, съ намѣреніемъ нарушить спокойствіе оныхъ, будетъ схваченъ и преданъ смерти ⁽³²⁾.

Такъ говорилъ русскій офицеръ, прибывшій въ полуварварскую страну съ 12 казаками и не имѣвшій надежды ни на какую близкую помощь, кромѣ нравственной силы своихъ убѣжденій. Но онъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Рѣшительность требованій, высказанныхъ такъ публично и смѣло въ лицо деспотическому владѣтелю Хоарезма, произвела свое дѣйствіе. Высокомѣрный тонъ, съ которымъ говорилъ ханъ, мгновенно исчезъ, голосъ его понизился, и не задолго гордый Алла-Куль сталъ убѣдительно просить Никифорова пробить въ Хивѣ еще 25 дней, т. е. до времени возвращенія съ охоты, на которую ханъ предполагалъ скоро отправиться.

Любезность его простерлась до того, что онъ пригласилъ съ собой въ поѣздку и агента — обстоятельство, доказывавшее особое расположеніе и довѣренность, такъ какъ охота, доставляя случай обозрѣть часть ханства, въ сущности служитъ владѣльцу только предлогомъ для объѣзда страны съ цѣлью произвести разборъ всѣхъ главныхъ жалобъ и ревизію управленія.

Случай былъ удобный какъ для короткаго сближенія съ ханомъ, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ и совѣтниками, такъ и для поддержанія того благопріятнаго впечатлѣнія, которое произвела на Алла-Кула декларация; но, къ сожалѣнію, Никифоровъ не имѣлъ возможности имъ воспользоваться. Тяжкій недугъ не давалъ ему покоя, и онъ съ грустію замѣчалъ приближеніе свое къ могилѣ: «мои чувства искренни — писалъ онъ, отъ 20 сентября, къ Я. В. Ханькову — какъ человека, дни котораго уже сочтены».

Съ 12 сентября по 9 октября ханъ объѣзжалъ свои владѣнія и, возвратясь въ Хиву, по требованію агента, принялъ его въ аудіенціи 11 числа. Удовольствія охоты, извѣстіе о разбитіи шедшихъ на Хиву Персіянъ Туркмевами близъ Серакса, а можетъ и другія неизвѣстныя намъ обстоятельства изгладили въ ханѣ впечатлѣніе послѣднихъ рѣшительныхъ представленій агента, и, при приѣмѣ его 11 числа, Алла-Куль началъ съ вопроса,

по какому праву сдѣлано ему объявленіе отъ имени оренбургскаго военнаго губернатора относительно захвата Хивинцевъ по ту сторону р. Сыра и Усть-Урта?

Агентъ. Оренбургскій военный губернаторъ, управляя пятью милліонами людей разныхъ народовъ, дѣйствуетъ мыслями и волею царя, и они ему болѣе извѣстны, какъ особѣ, близкой къ престолу Императора.

Ханъ. Мнѣ нельзя уступить р. Сыра. Прежде я ошибался, требовавъ границею р. р. Эмбу, Иргизъ и Тургай, но нынѣ я знаю, что граница Россіи есть Уралъ.

Агентъ. Всѣ киргизскія племена—подданные Россіи, всѣ ихъ земли—достояніе Россіи, что и подтверждаю вамъ устами Императора. Россійская держава не требуетъ отъ васъ рѣки Сыра, а уступаетъ вамъ лѣвый берегъ оной, если вы примете прочія условія. Если Государь Императоръ изволитъ признать нужнымъ занять правый берегъ Сыра, то займутъ оный и безъ согласія вашего. (Въ черновомъ письмѣ къ Перовскому послѣдняя фраза такъ изложена: вашему высокостепенству Сыръ-Дарьи не видать).

Ханъ. Какъ Богъ велитъ.

Агентъ. Есть русская пословица: на Бога надѣйся, но и самъ устраивай все къ лучшему; не всегда Богъ принимаетъ неосновательную сторону слабыхъ, но часто помогаетъ правотѣ сильныхъ.

Ханъ. Россія требуетъ отъ меня Астрабадъ и всѣ земли Трухменъ.

Агентъ. Астрабадъ принадлежитъ Персіи, а трухменскія племена могли бы быть признаны русскимъ правительствомъ принадлежащими Хивѣ, если бы вы заключили прочный союзъ съ Императоромъ; но Его Величество изволитъ признавать достояніемъ Россіи весь восточный берегъ Каспійскаго моря. Хива никакого флота на Каспій не имѣетъ и имѣть не будетъ. Берегъ же нуженъ русскому правительству для прекращенія хищничества людей, для чего учреждается гребная флотилія, которая, осматривая берегъ, будетъ дѣлать высадки для истребленія лодокъ Трухменцевъ и отдаленія ихъ отъ береговъ. А для того, чтобы вы этихъ дѣйствій не признавали непріязненными со стороны Русскихъ, правительство требуетъ, чтобы ваше высокостепенство признали по договору восточный берегъ моря, на 15 или 20 верстъ въ глубину степи, достояніемъ Россіи.

Ханъ. Я прочту вновь сдѣланныя мнѣ условія.

Этимъ кончилась аудіенція, и, по случаю наступившаго магометанскаго поста, агентъ болѣе не видался съ ханомъ до самаго отъѣзда (33).

Желая опровергнуть справедливость главнаго нашего требованія, относительно подчиненія Киргизовъ, ханъ тайно созвалъ въ Хиву преданнѣйшихъ почетныхъ Кайсаковъ, для того, чтобы они лично подтвердили Никифорову, что не считаютъ себя русскими подданными. Кайсаковъ собрали въ одну изъ комнатъ ханскаго дворца и пригласили агента объясниться съ ними въ присутствіи мяхтера. Здѣсь находились султаны: Каипъ-Гали Ишамовъ, Джангазы Ширгазыевъ, Рахманъ-Куль изъ Чиклинцевъ, Юсупъ Сарымовъ изъ Боколинцевъ, Юламанъ Тлянгицъ и Нязъ изъ Табынскаго рода и Утеръ-Али изъ Тлеукабаковъ; сверхъ того, Кушъ-Беги и Диванъ-Беги (34).

Мяхтеръ, объяснивъ цѣль собранія, просилъ Кайсаковъ объявить агенту, считаютъ ли они себя подданными Россіи и слѣдуетъ ли ей уступить Сыръ-Дарью. Первый началъ говорить султанъ Джангазы: онъ утверждалъ, что Россія не займетъ Сыра, что она дѣйствуетъ вяло, какъ баба, медленно, и что Сыръ-Дарья слишкомъ далеко отъ Урала. Рахманъ-Куль, подтвердивъ слова Джангазы, прибавилъ, что Россія ежегодно почти посылаетъ въ степь войска для грабежа Киргизовъ и отнимаетъ у нихъ земли, чего, конечно, не дѣлала бы, если бы Кайсаки были ея подданными. Наконецъ, Юсупъ Сарымовъ заключилъ тѣмъ, что Киргизы, какъ магометане, никогда не могли вступить въ подданство христіанской имперіи.

Никифоровъ возражалъ на это, что, будучи присланъ Императоромъ для переговоровъ съ ханомъ, считаетъ неприличнымъ объясняться лично съ преступниками противу имперіи, а потому предоставляетъ обличеніе лживыхъ рѣчей Джангазы и другихъ Аитову.

Объяснивъ исторію присяги Киргизовъ на подданство Россіи, сравнивъ положеніе Киргизовъ нашихъ съ тѣми, которые зависятъ отъ Хивы, и, опровергнувъ религіозное убѣжденіе примѣромъ турецкаго султана, Аитовъ перешелъ затѣмъ къ объясненіямъ поочередно съ каждымъ изъ присутствующихъ.

«И кто же нынѣ — говорилъ онъ — беретъ на себя отречься отъ лица всего народа отъ подданства Россіи? Ты ли, Джанга-

зы? Но ты родился въ Россіи, отъ отца, который былъ не только подданный ея, а даже въ службѣ Императора, достигъ званія маіора и, только сдѣлавшись преступникомъ, постыдно бѣжалъ изъ Оренбурга отъ безчестія и наказанія.»

Въ томъ же духѣ было сказано Рахманъ-Кулу, Юламанъ-Тлянчину и Юсупу Сарымову.

«Слишкомъ долго было бы—прибавилъ въ заключеніе Аитовъ—обнаруживать клятвопреступничество прочихъ присутствующихъ; но молчаніе ихъ служить лучше моихъ словъ уликою. И вотъ кто созванъ теперь, чтобы подтвердить права хивинскаго хана! Не могу, однако же, скрыть особаго презрѣнія своего къ двумъ лицамъ: къ тебѣ, Каипъ-Гали, и къ товарищу твоему Джангазы. Не стану исчислять тебѣ вѣроломства и предательства, заставившія тебя бѣжать изъ Россіи; вспомните только, султаны, что предки ваши властвовали въ этой Хивѣ, сидѣли на престолѣ того же хана, который вызвалъ васъ нынѣ на рабское униженіе и позорное клятвопреступничество, въ пользу незаконныхъ притязаній своихъ.»

Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, и смущенный мяхтеръ обратился къ Утеръ-Али, спрашивая его, что долженъ онъ сказать о рѣшеніи собранія хану. Втайнѣ преданный намъ, Утеръ-Али отвѣчалъ:

«Я и прежде говорилъ вамъ, что собраніе это бесполезно, что безславно Хивѣ, крамольничавъ противъ Россіи, теперь, для примиренія съ нею и сохраненія выгодъ своихъ, выставятъ на жертву Киргизовъ; слова мои оправдались и позвольте намъ, по крайней мѣрѣ, не оставаться здѣсь долѣе.»

Такъ кончилось собраніе. Оно произвело весьма невыгодное для хана впечатлѣніе на Киргизовъ, изъ коихъ многіе, послѣ совѣщанія, старались сблизиться съ Никифоровымъ и пріобрѣсти прощеніе Россіи (25). Что касается хана, то и послѣ диспута Аитова онъ нисколько не сдѣлался сговорчивѣе на главныя изъ предложенныхъ условій; одно назначеніе въ Хиву постояннаго русскаго агента не встрѣтило съ его стороны препятствій, особенно когда онъ узналъ, что должность эту будетъ исполнять Аитовъ. Ханъ при этомъ изъявилъ только желаніе имѣть и своихъ повѣренныхъ въ Астрахани и Оренбургѣ, для защиты купцовъ по дѣламъ съ таможенными, на притѣсненіе которыхъ онъ нерѣдко жаловался.

Объясненіе статей акта было, однакожь, и послѣ диспута предметомъ совѣщаній хана въ тайныхъ собраніяхъ важнѣйшихъ сановниковъ и преданныхъ Хивѣ Кайсаковъ, при чемъ Джангазы оказывался постояннымъ противникомъ мира, утверждая, что Россія никогда не рѣшится занять Сыръ; султанъ же Каипъ-Гали, напротивъ, говорилъ, что не слѣдуетъ отвергать дружескихъ сношеній, что должно принять миръ и что о славѣ и силѣ Россіи знаетъ цѣлый свѣтъ.

Въ такихъ совѣщаніяхъ тянулось время, когда, наконецъ, было рѣшено не давать Никифорову окончательнаго отвѣта, а отправить въ Россію посланцевъ съ предлагаемыми ханомъ условіями. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало всенародное объявленіе Диванъ-Беги въ караванъ-сараѣ о томъ, что ханъ не хочетъ слушать ни военнаго губернатора, ни агента.

Послѣ такого рѣшенія, Никифоровъ счелъ за лучшее прекратить переговоры съ Алла-Куломъ и оставить Хиву, тѣмъ болѣе, что, въ послѣднее время, не только мяхтеръ, но и всѣ другіе сановники постоянно старались избѣгать сношеній съ миссіей.

Прощаніе хана съ агентомъ было довольно дружелюбно. При этомъ Никифоровъ сдѣлалъ еще одно предложеніе: послать кого либо изъ сановниковъ ханскихъ въ Россію для ознакомленія съ могуществомъ имперіи, ея войскомъ и торговлею, на что Алла-Куль, однакожь, не согласился, отвѣтивъ: «когда будемъ друзьями, то это сдѣлаемъ».

Отпуская миссію, ханъ, по правиламъ восточной вѣжливости, одарилъ ее не только вещами, но и деньгами. Такъ, агенту были присланы въ подарокъ аргамакъ, сѣдло, парчевой халатъ и 200 тиллей; Аитову—аргамакъ, сѣдло, парчевой халатъ и 150 тиллей; всѣмъ же другимъ спутникамъ Никифорова даны халаты и деньги, сообразно ихъ чинамъ и званіямъ. Прибавляя къ этимъ подаркамъ наемъ верблюдовъ для обратнаго слѣдованія миссіи и кормовыя деньги, получимъ, что всѣ издержки хивинскаго правительства на содержаніе ея простирались до 1,037 тиллей, или 14,000 руб. ассигнаціями (36).

27 октября миссія выступила въ обратный путь. Отъ Айбу-гира Никифоровъ, со вновь назначенными посланцами, Вуизъ-Ніязомъ, Ишбай Бабаевымъ, и 7 освобожденными плѣнными, направился черезъ Усть-Уртъ, урочища Кай-Кунакты и Джіанты къ

крѣпости Сарайчиковской, куда и вошелъ благополучно, послѣ 36 дней хода, 2 декабря.

Выше было сказано, что въ Хивѣ остался, въ качествѣ постоянного нашего агента, Аитовъ. Чтобы доставить случай пробить подолѣе въ хивинскихъ владѣніяхъ, ему было предписано, по отъѣздѣ миссіи, отправиться въ Бухару и оттуда, если удастся, съѣздить въ Коканъ и потомъ возвратиться къ своему посту (37). Но не прошло и двухъ дней послѣ отъѣзда агента, какъ мяхтеръ прислалъ сказать Аитову, что ханъ не изъявляетъ согласія на пребываніе его въ Хивѣ и даже не рѣшается пустить въ какое либо другое владѣніе, а проситъ отправиться въ Россію. Вслѣдствіе чего послѣдовало такое приказаніе, объяснить трудно. Произошло ли оно отъ боязни, чтобы Аитовъ не передалъ въ Бухару извѣстій о сборахъ хана для набѣга на это владѣніе, или вслѣдствіе личнаго нерасположенія Алла-Кула къ Никифорову, неизвѣстно; только Аитовъ не нашелъ возможнымъ долѣе оставаться въ Хивѣ и, нагнавъ миссію на Айбугирѣ, направился оттуда, вмѣстѣ съ топографомъ, по западному берегу Арала и далѣе черезъ Чушкакуль къ Оренбургу, куда и прибылъ 11 декабря.

Огорченный неудачею, истомленный недугомъ, Никифоровъ, возвратясь въ Оренбургъ и не заставъ тамъ Перовскаго, отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго доклада о своемъ порученіи. Но силы ему уже измѣнили. Доѣхавъ до села Новоспасскаго, Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи, онъ, 13 января, слегъ въ постель и послѣ двухъ-недѣльной болѣзни скончался, 27 числа, въ кругу прибывшихъ къ нему родныхъ (38).

Результатами топографическихъ трудовъ миссіи были различные маршруты и планы, а также путевые журналы: всего снято около 3,000 верстъ протяженія. Кромѣ того, въ черновыхъ бумагахъ Никифорова сохранились составленные вчернѣ описанія городовъ, неоконченные рисунки (въ карандашѣ) нѣкоторыхъ крѣпостей и жилищъ хивинскихъ. Что же касается собственно до дипломатическаго порученія, то по этому предмету дѣло Никифорова суждено было окончить уже другой нашей миссіи, отправленной въ Хиву осенью 1842 года, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго.

Прослѣдивъ дѣйствія Никифорова шагъ за шагомъ и представляя, по приведеннымъ даннымъ, судить, въ какой мѣрѣ

онъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и при своемъ характерѣ и здоровьѣ, могъ достигнуть всего, что предписывалось въ инструкціяхъ, въ заключеніе разсказа не можемъ не привести слѣдующаго, чрезвычайно вѣрнаго, замѣчанія самого агента на счетъ веденія переговоровъ съ хивинскимъ правительствомъ:

«Ханъ и его сановники чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ и даже не могутъ понять слова: уполномоченный. Вполнѣ сознавая свое безсиліе, они не въ состояніи оцѣнить кроткихъ мѣръ сношенія, но трепещутъ силы, которая одна можетъ ихъ вразумить (39).»

Мы тѣмъ болѣе считали нужнымъ обратить вниманіе на эту замѣтку, что она не только тогда, но даже въ 1858 году, во время посылки въ Хиву послѣдней нашей миссіи, имѣла полное практическое значеніе и едва ли не сохранить его надолго и впередъ.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.